

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕЙ ПАМЯТИ

Ольга Соколова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Беларусь*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проявления интеллектуальной биографии как формы культурной памяти, существующей в видовом многообразии общего культурного пространства, в рамках которой осуществляется национальная идентичность.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, биографическая герменевтика, актуализированная память, общая память, национальная идентичность.

I. ВВЕДЕНИЕ

В современном мире прослеживается тенденция особого интереса к биографии как форме культурных кодов, дешифровка которых помогает увидеть и понять социокультурное пространство той или иной эпохи. Актуальностью проблематики обусловлено создание в конце XX века биографических институтов (Русский биографический институт, Восточно-Украинский биографический институт), деятельность которых направлена на исследование общества сквозь призму отдельной личности; в культурологии формируются такие направления, как «историческая персонология» (Иконникова, 2005 : 80) и «новый историзм» (направление в современной гуманитарной науке США), по А. Эткинду, – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу [Эткин, 2001]; биографика выделяется в самостоятельную область гуманитарного знания (как дисциплина гуманитарного цикла) (Валевский, 1995 : 32–68).

II. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Биография приобретает особое значение, существуя в разных формах индивидуальной и коллективной памяти: литература и экранная культура, биографические комиксы (например, основная тема комиксов немецкой художницы Эльке Р. Штайнер – жизнь реальных исторических персонажей и история немецко-еврейских отношений. Комикс «Регина Йонас – женщина-раввин» (2011), история жизни первой в мире женщины-раввина, погибшей в Освенциме в 1944 г.) и манга (биография Стива Джобса, созданная японской художницей Мари Ямазаки в 2013 г.).

Биографический нарратив воплощается и в жанре литературного анекдота. В XX в. традиция биографического литературного анекдота XVIII в. Продолжается в творчестве Даниила Хармса (Анекдоты из жизни Пушкина, цикл «Случаи» (Хармс, 1991 : 43–44)), а в 70-е гг. получает развитие в цикле анекдотов «Псевдо-Хармс» (Хармс, 1991 : 219–236). Герои анекдотов – классики русской литературы: Пуш-

кин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Тургенев. Тексты являются пародией на попытку создания истории культуры, когда исторические реалии включены в мифологию анекдота. Своеобразную форму литературного анекдота приобретает жизнеописание в «Рассказах о Ленине» Михаила Зощенко (Зощенко, 1983 : 321–346) и «Двенадцати портретах» Аркадия Аверченко. По-разному мотивированные писатели создают в первом случае положительную биографию вождя, а во втором – гротескную галерею портретов советского общества 20-х гг.: мадам Ленина, мадам Троцкая, Керенский, Дзержинский, Максим Горький, Федор Шаляпин и др. (Аверченко, 1923).

Индивидуальная память – автобиографии, мемуары в письменной культуре и экранной (например, документальные фильмы из цикла «Свидетели времени» – «Дочь философа Шпета» и «Мира. Дочь командарма Уборевича» (Россия, 2013), «Жизнь в фотокадрах» («Life in stills», Израиль, Германия, 2011), «Хорошая жизнь» («The Good Life», Дания, 2010)).

Коллективная память – воссоздание биографии посредством воспоминаний современников, архивных материалов, эпистолярного наследия. Для биографического изложения характерно взаимодействие индивидуальной и коллективной памяти и разных слоев индивидуальной памяти. Так, воспоминания 89-летней Владимеры Иеронимовны Уборевич, дочери легендарного советского командарма гражданской войны, попавшей после расстрела отца и ареста матери в детский дом, сегодня рассказывающей телезрителю о времени и о себе, переплетаются с историей ее жизни, которую она описала в письмах к Елене Сергеевне Булгаковой, вдове писателя, в период «хрущевской оттепели». В

1963 г. Владимиру Иеронимовну попросили написать воспоминания об отце. По совету Лилии Юрьевны Брик, сказавшей, что в письмах к близкому человеку легче рассказать о своей жизни, Мира Уборевич стала писать письма к Елене Сергеевне, которая взялась редактировать эти воспоминания для книги. Очевидно, что в то время они не могли быть опубликованы. Книга об Уборевиче была издана без участия его дочери, а письма увидели свет только в 2008 г. (Уборевич, 2008). Воспоминания из писем наслаиваются на сегодняшние воспоминания и переосмысливаются, прочитываются по-новому, оживают, создают «новую» биографию.

Марина Густавовна Шпет – создатель интеллектуальной биографии выдающегося русского мыслителя, философа, переводчика Густава Густавовича Шпета. В одной из работ мыслитель писал о важности изучения биографий великих философов как нравственного идеала.

Память Марины Густавовны воссоздает уникальное культурное пространство, в котором живут Ахматова, Цветаева, Качалов, Москвин, Рахманинов, Щусев, Гельцер, Пильняк и в первую очередь ее отец. 96-летний жизненный опыт героини позволяет ей отстраненно рассказывать об эпохе, лишившей ее отца, с которым, по ее словам, в 1935 г. в сибирской ссылке она провела лучшие два месяца в жизни.

Фильмы цикла «Свидетели времени», на наш взгляд, являются примером интеллектуальной биографии в экранной культуре, когда индивидуальная жизнь и судьба становятся памятью группы – детей врагов народа – о сталинском периоде и воссоздают биографии и идеи их отцов – советского военного и политического деятеля Иеронима Уборевича и философа Густава Шпета, расстрелянных в 1937 г.

Биографический нарратив создается на материале жизнеописания не только выдающихся личностей, но и обычных людей. Так, документальный фильм «Хорошая жизнь» повествует о судьбе двух женщин – матери и дочери, – переживших современный финансовый кризис, некогда богатых, а ныне бедных людей, существующих на пенсию больной матери. Блестяще образованные, но неприспособленные, с полным отсутствием воли к жизни личности проживают в настоящем каждый светлый момент прошлой жизни. Их настоящая жизнь осталась в прошлом, которое каждый день актуализируется в просмотре домашней кинохроники.

В качестве примеров интеллектуальной биографии в письменной культуре можно привести книгу английского историка Филиппа Буббайера «С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа, 1877–1950» (Буббайер, 2001), в основе которой его докторская диссертация (интеллектуальная биография часто становится предметом научного исследования), монографию С. В. Хатунцева «Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг.» (Хатунцев, 2007) и биографическое исследование А. В. Панцова «Мао Цзэдун» (Панцов, 2007).

Пример существования биографии в виде документального фильма и литературного аналога, проиллюстрированного множеством фотодокументов, – «Подстрочник» (фильм – 2009, книга – 2010), воспоминания Лилянны Зиновьевны Лунгиной, переводчицы сказок Астрид Линдгрен, встречавшейся с крупнейшими фигурами литературной, политической, научной жизни советского государства и Европы, пережившей самые сложные годы истории России XX в. (Дорман, 2010).

Устная история, широко используемая в современной историографии

начиная со второй половины XX в., становится, по нашему мнению, определяющим источником развития культурной памяти. Обращение к прошлому, взаимодействие с ним посредством использования устных свидетельств-воспоминаний, их интерпретации – характерная черта современности. Опубликованные биографии в большинстве своем освещают жизнь политических лидеров, известных философов и т.п. Устная история позволяет исследовать жизненный опыт самых разных людей, причем их воспоминания приобретают эмоциональную окраску. Часто в отдельной биографии читается история семьи, «в особенности способная придать человеку сильное ощущение бесконечности жизни, над которой не властна даже смерть» (Томпсон, 2003 : 15).

Воплощение индивидуальной биографической памяти, создание коллективной общей памяти посредством устной истории прослеживается в проектах интернет-журнала «Сноб» [13]. Например, литературный конкурс «После Великой Победы», придуманный Людмилой Улицкой, когда читатели публиковали на страницах журнала свои истории жизни о послевоенном детстве или отрочестве, которое пришлось на 1945 – 1950-е гг., и лучшие из них составили книгу «Детство 43–53: а завтра будет счастье». Сборник состоит из воспоминаний непрофессиональных авторов, бывших советских детей, живущих ныне в России, Казахстане, Украине, Беларуси, Израиле, США, Канаде, Германии, Австралии. В прологе Улицкая пишет, что задумывалась книга для того, чтобы показать «физиономию» эпохи: «Все больше забытого, и все мы беднеем от этого забвения. Кроме большой истории, которая сохраняет даты и события, важные для страны, есть и "малая" история каждой семьи.

Если мы не расскажем своим детям, они не будут знать, что значили слова Сталин, победа, коммуналка, этап, свидание, партсобрание.... Не поймут, что значит довесок (к буханке хлеба), новые ботинки или военная форма отца <...> Мы должны, мы обязаны делать это усилие воспоминания» (Улицкая, 2013). Таким образом, на основе сбора и анализа биографических воспоминаний восстанавливается память о времени после Великой Отечественной войны.

Или интернет-проект писателя Бориса Акунина [15], который в своем Живом Журнале собирал старые фотографии с рассказами о судьбе изображенных на них людей, присылаемые ЖЖ-сообществом, а потом издал книгу «Фото как хокку» (три фотографии в детстве, молодости и старости, как три строки хокку, между которыми, по словам писателя, поместилась вся жизнь) [16].

Модель биографического рассказа меняется на протяжении XX – начала XXI в.: появляются авторские размышления о личности и ее жизни, предпринимаются попытки проникновения в психологию, повествование характеризуется беллетризованностью, образностью, сопоставлением судеб людей порой разных исторических эпох.

В фокусе исследования интеллектуальной биографии оказывается реконструкция жизни личности (особо значимая при скудности фактического материала), духовного мира, история самосотворения, идейной эволюции, предполагающая биографический, текстуальный, социокультурный анализ. Изучаются различные аспекты воззрений, формирование взглядов в тесной связи с общественной мыслью на фоне исторических и политических событий. Объект интеллектуальной биографии – жизнь отдельного человека,

рассматриваемая не только как индивидуальность, а как часть социума. То, что личность множественна, философы понимали в начале XX в., а в психологии стали изучать в 70-х гг. Каждое индивидуальное существование состоит из множества чужих, соответственно каждая индивидуальная биография складывается из множества чужих, вбирая большие культурные пласты: «я», «моя семья», «друзья», «враги», «соседи», «те, о ком я знаю», «то, что я читаю, слушаю, вижу» и т.д.; представляет многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности. Посредством жизнеописания личности происходит трансляция идей определенной эпохи, передача культурных смыслов. Так как в основе создания биографического нарратива, как и в основе культуры, лежит миф, важны не факты, а дух эпохи, проникновение в психологию людей. Мифологизация – один из значимых культурных механизмов, ярко воплощающийся в биографии.

«Каждый тип культуры вырабатывает свои модели "людей с биографией" и "людей без биографии"» (Лотман, «Литературная биография» : 365), т.е. культура выбирает, что сохранять для потомков, какие образцы и модели поведения. Оценка персоналий культуры – индикатор культурной памяти.

Создание интеллектуальной биографии как нового текста о культуре прошлого есть интерпретация, сохранение культурной памяти, таким образом можно говорить об актуализированной памяти, когда происходит взаимодействие настоящего срезом культуры и прошлого, прошлое входит в настоящее. Выдающийся мыслитель Павел Александрович Флоренский в «Воспоминаниях прошлых дней» говорит о том, что прошлое не уходит, оно живет в свернутом состоянии, «скрывается, засыпает (на наш

взгляд, эти слова точно иллюстрирует картина Сальвадора Дали "Сохранность памяти"); но когда-то и как-то к нему можно подойти вплотную – и оно тогда проснется и оживет» (Флоренский, 1992 : 686). Время – это не движение по прямой, оно замкнутое, круглое, и прошлое воздействует на каждый момент в настоящем. Культурная память – вне времени, не прикреплена к хронологии, как, например, память историческая, а выступает ценностно-нравственным ориентиром, воссоздавая события прошлого, но оцениваемые в настоящем.

Пример визуализации актуализированной памяти, актуализации прошлого в настоящем – фотография 96-летней Мириам Вайссенштайн – героини упомянутого документального фильма «Жизнь в фотокадрах», владелицы фотомастерской «Цальманя» (<http://www.pri-or.com/>), основанной ее мужем Руди Вайссенштайном в Тель-Авиве, легендарным фотографом, который задокументировал самые важные страницы истории Израиля, начиная от объявления государственной независимости в 1948 г., – на фоне фотографии, запечатлевшей застывшую в прыжке улыбающуюся девушку – 25-летнюю Мириам. Создается новый текст с новым культурным смыслом.

Воспоминание – духовное действо, и всякое знание, по Платону, есть воспоминание. Французский философ Поль Рикер, следуя учению Аристотеля, различает два типа воспоминаний: рождающееся пассивно (греч. *mneme* – воспоминание-чувство) и вызывающее рефлексию припоминание (греч. *anamnesis*) (Рикер, 2004 : 21). Интеллектуальная биография как форма культурной памяти, безусловно, относится ко второму типу. Это творческая память, способная не только воссоздавать прошлое заново, но и

трансформировать, преобразать его, «сохранять прошедшее как пребывающее» (Лотман «Память в культурологическом освещении» : 200). Интеллектуальная биография становится местом памяти, отражающим исторические события в сознании ее персонажей и формирующим сознание воспринимающих читателей и зрителей.

Интеллектуальная биография рождается из взаимодействия разных видов культурной памяти: коллективной и индивидуальной, информационной и творческой; как новый текст о культуре прошлого задействует актуализированную память; как вид «мягкой» памяти (книги, тексты) переходит в формы «твердой» в виде памятников, памятных досок, музеев; существует в пространстве общей памяти, доказательством чему, например, служит мировое признание биографий о русских деятелях, написанных иностранцами (биографический роман французского Эммануэля Каррера «Лимоннов» (Каррер, 2012), профессора Лондонского университета Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» (Рейфилд, 2005)), и наоборот. Биография понимается как некий общий текст, представленный вариантами истолкованиями, подчиняющийся «сложным законам общего культурного движения» (Лотман «Память в культурологическом освещении» : 200). Процесс создания интеллектуальной биографии можно назвать биографической герменевтикой, когда жизненный путь личности интерпретируется в историческом и культурном контексте.

Общая память рассматривается нами как единое общее пространство со своими механизмами отбора и сохранения информации, открытое для осмысления, форма коллективного существования, позволяющая находиться в одном пространстве людям с разными культурами, вступать в диа-

лог, делиться информацией, производить новые знания, сохранять культурную идентификацию; форма межкультурного взаимодействия, позволяющая работать с единым адресным пространством, совместно использовать его. Пространство культуры, согласно Ю. Лотману, «в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» (Лотман «Память в культурологическом освещении» : 200), и механизм хранения, трансляции и создания новых текстов. Биография, по Ю. Лотману, важнейший текст культуры, в котором выражена ее родовая черта – текстуальность. Тексты создают новые тексты, следовательно, культурная память – не пассивное хранилище, а «генератор, воспроизводящий прошлое заново», «инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое» (Лотман, *Внутри мыслящих миров* : 384–385). Парадигма памяти–забвения постоянно меняется, «актуальные тексты высвечиваются, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» (Лотман «Память в культурологическом освещении» : 201). Меняется время, меняется система культурных кодов.

Интересно преломление в биографическом рассказе теории интертекстуальности Юлии Кристевой. Можно говорить о интертекстуальности биографической памяти культуры, когда действительность оказывается ссылкой на прошлую жизнь, которая актуализируется и переосмысливается. Память о более ранних воспоминаниях всегда присутствует в новых, что способствует динамике культурологического процесса.

Существование в пространстве общей памяти, когда разные культуры совместно используют одну и ту же часть памяти, формирование нацио-

нальной культурной памяти определяют проблему, важную для национальной идентичности, – принадлежности известной личности к культуре определенной этнической группы (Адам Мицкевич в Польше считается польским поэтом, в Литве и Беларуси также национальный поэт). Так, многие культурные ценности, созданные деятелями белорусского происхождения, сегодня осмысляются как достояние русской, польской, литовской культур. Недавно заново открытое имя писателя, драматурга, поэта-песенника, краеведа, представителя белорусско-русско-литовского пространства И. К. Кондратьева, белоруса по рождению, начало литературной деятельности которого связано с Вильной, а становление и основной период жизни и творчества с Москвой, связывают прежде всего с русской культурой (Смолик, 2013).

Связь между социальной группой и коллективной памятью отмечал еще французский социолог Морис Хальбвакс: каждая группа формирует память о своем прошлом, обособывающую и поддерживающую ее уникальную идентичность. Коллективная память объединяет группу и необходима для жизни и выживания общества (Хальбвакс, 2005 : 22, 26). Каждое государство стремится утвердить себя в культуре, истории – это повышает значимость национальной идентичности, что становится важным аспектом в современном мире, когда идеологии заменяется политикой идентичности. Реконструкция жизни видных отечественных деятелей – одно из важных средств противостояния забвению, способствующее сохранению национальной идентичности. При этом в интеллектуальной биографии, как и в других формах памяти, закрепляются значимые для идентификации нации и вытесняются или ин-

терпретируются «вредные» и «бесполезные» воспоминания. Память воссоздает такие образы прошлого, «какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества», соответствуют ценностям настоящего (Хальбвакс, 2007 : 30).

Однако нельзя говорить о беспроблемной манипуляции памятью. Характерной тенденцией современности становится повышение роли и функций личностной идентичности. Интеллектуальная биография выступает связующим звеном между личной и национальной памятью. Ее ценность обусловлена не только осмыслением и осознанием прошлого, прошлых потерь и приобретений, сохранением культурной памяти, стирающейся с уходом носителей этой памяти, но и многовариантностью истолкований, в то время как история универсальна.

Биографическая реконструкция как средство сохранения культурной памяти затрагивает многие культурологические проблемы. Это и превращение жизни в текст, создание биографического нарратива. Вторжение настоящего в прошлое актуализирует задачу, образно обозначенную А. С. Пушкиным: «вызвав демона старины», уметь «им управлять» (Пушкин, 1959). Просматривается и такая важная культурологическая проблема, как сохранение национальной идентичности в контексте глобализации. Современная политика мультикультурализма и концепция «плавильного котла» (англ. *melting pot*), предполагающая слияние всех культур в одну, обуславливают актуальность этой проблематики. Конструируются новые локальности, идентифицирующие себя как культурно уникальные образования, прошлое которых становится объектом борьбы. Не случайно международный научный проект, осуществляемый в Кембриджском университете

(2010–2013), получил название «Memory at War» (Войны памяти).

Вместе с тем дискуссионным становится вопрос о наднациональных идентичностях и формировании наднациональной памяти, о существовании общей идентичности. Национальная культурная память сегодня конструируется не только из своей истории, она часть межнациональной истории. В глобальном мире происходят процессы обобществления памяти, глобальная коммуникация стирает культурные границы, и важно идентифицировать себя.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о важной роли интеллектуальной биографии для выявления особенностей определенной культуры, ее аксиологических и мировоззренческих основ, для изучения проблем формирования идентичности в пространстве общей памяти.

Общая память выступает как единое пространство, совместно используемое в процессе создания новых культурных кодов, а интеллектуальная биография как форма передачи культурных смыслов разных эпох, форма культурной памяти, в рамках которой осуществляется национальная идентичность.

ССЫЛКИ

- [1] С. Н. Иконникова, *История культурологических теорий*. Санкт-Петербург: Питер, 2005.
- [2] А. Эткин, "Новый историзм, русская версия", *НЛО*, № 47, 2001. Website. [Online]. Available: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>
- [3] А. Л. Валевский, "Биографика как дисциплина гуманитарного цикла", *Лица: Биографический альманах*, вып. 6. Санкт-Петербург: ATHENEUM; Москва: Феникс, 1995, с. 32–68.

- [4] Хармс, Д. Горло бредит бритвою: случаи, рассказы, дневниковые записи, *Глагол*, №4, 1991, с. 43–44, 219–236.
- [5] М. М. Зощенко, *Избранное*. Москва: Правда, 1983.
- [6] А. Аверченко, *Двенадцать портретов*. Париж; Берлин; Прага; Санкт-Петербург: Internationale commercialt revue, 1923.
- [7] Владимира Уборевич, *14 писем Елене Сергеевне Булгаковой*. Сост. Ю. Кантор. Москва: Время, 2008.
- [8] Ф. Буббайер, *С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа, 1877–1950*, сер. Люди России. Пер с англ. Л. Ю. Пантиной. Москва: РОССПЭН, 2001.
- [9] С. В. Хатунцев, *Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг.*, сер. Историческая книга. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007.
- [10] А. В. Панцов, *Мао Цзэдун*, сер. ЖЗЛ. Москва: Молодая гвардия, 2007.
- [11] О. Дорман, *Подстрочник: Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана*. Москва: Астрель: Corpus, 2010.
- [12] П. Томпсон, *Голос прошлого. Устная история*. Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2003.
- [13] Сноб. Интернет-журнал. Website. [Online]. Available: <http://www.snob.ru/magazine/>
- [14] Л. Улицкая, Сост., *Детство 43–53: а завтра будет счастье*. Москва: АСТ, 2013.
- [15] Любовь к истории: блог Бориса Акунина. Website. [Online]. Available: <http://borisakunin.livejournal.com/>
- [16] *Фото как хокку*. Под. ред. Б. Акунина. Москва: Захаров, 2012.
- [17] Ю. М. Лотман, “Литературная биография в историко-культурном контексте: (К типологическому соотношению текста и личности автора)”. *Избранные статьи*. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992, с. 365–376.
- [18] П. А. Флоренский, *Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогическое исследование. Из соловецких писем. Завещание*. Москва: Московский рабочий, 1992.
- [19] Поль Рикёр, *Память, история, забвение*, сер. Французская философия XX века. Пер. с франц. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- [20] Ю. М. Лотман, “Память в культурологическом освещении”. *Избранные статьи*. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992, с. 200–202.
- [21] Эмманюэль Каррер, *Лимонов*. Москва: Ad Marginem Press, 2012.
- [22] Дональд Рейфилд, *Жизнь Антона Чехова*. Пер. с англ. Ольги Макаровой. Москва: Независимая газета, 2005.
- [23] Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров*. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- [24] А. І. Смолік, *Божы дар Івана Кандрацьева*. Мінск: БДУКМ, 2013.
- [25] М. Хальбвакс, “Коллективная и историческая память”, *Неприкосновенный запас*, №2-3 (40-41), 2005, с. 3–26.
- [26] М. Хальбвакс, *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издательство, 2007.
- [27] А. С. Пушкин, “Юрий Милославский, или Русские в 1612 г. ”. Критика и публицистика. *Собр. соч.* : в 10 т. Т. 6: Статьи и заметки 1824–1836. Москва: Гос. изд-во Худож. лит., 1959.